УДК 903.531+903.2

С.Н. Кореневский
Институт археологии РАН
ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: skorenevskiy@yandex.ru

ФЕНОМЕН ПЕРВОБЫТНЫХ ВОЙН И СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ВОЕННОЙ (теоретический аспект проблемы по данным археологии и исторической этнологии)

Задача исследования – соотнести теорию исторической этнологии с археологическими источниками, которые отражают своей символикой развитие феномена военной власти, т.е. власти военных вождей. Для этой цели проанализирован престиж погребений с оружием эпох неолита – начала бронзового века по материалам Подунавья, Кавказа и юга Восточной Европы. В работе кратко излагается теория этнологии о классификации войн догосударственного периода, т.е. собственно первобытных и за добычу (настоящих). На основе этнологических исследований отмечается различное положение в обществах военных вождей и их стремительный путь к вершине власти с развитием войн за добычу и приобретенным правом на распределение военных трофеев. Экскурс в теорию этнологии непосредственно связан с анализом археологических источников, а также произведений искусства, мифологии, которые символикой оружия, сопутствующих ему вещей и сюжетов отражают рост престижа лиц, связанных с военной сферой, т.е. тех, кто осуществлял военную власть.

Ключевые слова: *этнология, археология, война, добыча, власть, оружие.*

Введение

В настоящей работе предпринята попытка реконструировать процесс развития феномена власти, связанного с военными действиями в догосударственных обществах. Это многогранное явление рассматривается на основе данных исторической этнологии и археологических источников времени неолита – начала бронзового века. Такое исследование имеет свои особенности. С одной стороны, они заключаются в иллюстрации теоретических положений конкретными примерами из этнографии. С другой стороны, выводы основываются только на косвенных свидетельствах по материалам археологии, т.к. для изучаемых регионов никаких этнологических сведений о времени неолита – бронзового века не имеется. Археологическими источниками по этой теме являются формы вооружения и комплексы, в которых они встречаются, включая сопровождающий оружие иной инвентарь, украшения персонального костюма, если мы сталкиваемся с данными погребальной практики, а также произведения искусства со сценами борьбы и изображениями оружия.

Естественно, в небольшой статье невозможно охватить все ситуации, связанные с заявленной темой, затронуть все модели развития первобытного общества на пути к государственности и цивилизации. Поэтому мы рассматриваем ее лишь как возможность изложить канву необходимых рассуждений, опираясь на многие фундаментальные исследования в этнологии первобытной эпохи. В качестве иллюстраций выводов, сделанных по данным археологического контекста, мы выборочно используем в основном материалы культур Европы, Кавказа и Ближнего Востока.

© Кореневский С.Н., 2014

Этимология слова «война» и типология войн

Рассмотрение феномена войны начнем с краткого анализа самого слова в русском языке. Судя по этимологии, оно чисто индоевропейское. Близкие по звучанию слова встречаются во многих славянских и других древних европейских языках [Иванова, Чахоян, Беляева, 2010, с. 539]. В языке Авесты есть глагол «вай» (vay) – «гнать». Индоевропейское «правайана» (pravaiana) является синонимом понятия «пастушеский посох» [Преображенский, 1958, с. 90, 91]. Таким образом, этимология слова «война» уводит нас в глубокую древность, когда понятия «охота» и «война» еще существенно не различались по смыслу. Древние люди ассоциировали такое занятие с погоней, облавой, добычей пищи, пастушеством как отраслью хозяйства, сопряженной с постоянной угрозой нападения и захвата скота. Но объектом нападения в военных действиях были уже не звери.

Примечательно, что слово «война» совершенно не затрагивает этимологию славянского слова «смерть» (лат. morte). Следовательно, представления древних славян о войне и смерти в далекие времена были совсем не однозначны. Войну не вели для умерщвления противника, ее цели были иными. Войны постоянно сопровождали развитие первобытного общества и были важнейшей частью прогресса.

Многие положения настоящей статьи о войнах в первобытную эпоху содержатся в трудах выдающихся историков и этнологов [Морган, 1934; Аверкиева, 1974; Дейви, 2009; Риттер, 1968; Yadin, 1963; Махлаюк, 2009]. Из работ отечественных ученых особое внимание было уделено исследованиям И.М. Дьяконова [1983, 1990, 1997], И.И. Потехина [1951], Ю.И. Семенова [1993а, б, 1995], С.А. Созиной [1969], В.А. Шнирельмана [1986, 1988, 1994]. На основании их трудов можно кратко коснуться теории проблемы, не претендуя на оригинальность в заключениях. Война, в нашем понимании, это конфликтное состояние общества и сумма действий, нацеленных на групповое вооруженное столкновение с противником, приводящее к его физическому уничтожению или пленению. Целью войн не является добыча белковой пищи, в последнем случае используется понятие «охота». С войной сопряжено понятие «военизация». Мы не употребляем иностранное слово «милитаризация» применительно к догосударственным обществам, т.к. этот термин явно связан с современностью и сильно политизирован.

По данным исторической этнологии можно выделить несколько типов войн. Первая группа – это первобытные войны за примитивное выживание, связанные с захватом территории, необходимой для существования этноса, и не обусловленные иными экономическими причинами. Они являются следствием миграций, вызванных голодом, изменением климата, перемещением стад промысловых животных. Население, вынужденное искать лучшую территорию, не преследовало цель захвата имущества противника или иной добычи. К данной группе можно отнести и войны из-за нарушения границ охотничьих угодий. Они были характерны для общин охотников и собирателей с глубокой древности. Вторая группа – это первобытные войны не по экономическим причинам (из-за колдовства, сглаза, порчи, приписываемых врагу, из-за женщин, кровной мести, инициации с пролитой кровью иноплеменника и т.д.). Войны обеих групп характерны для догосударственных обществ и как пережиток сохранились до средневековья. Главная их черта – игнорирование добычи как трофеев. Следует упомянуть и нередкие случаи каннибализма. Пренебрежение к военным трофеям отмечается даже у германцев во время их войн с Римом [Окшот, 2004, с. 65, 66].

Третья группа – войны за добычу. Определить границу, когда первобытные войны перешли в данную стадию, – трудная, но важная задача. По историческим примерам Ближнего Востока и Европы мы знаем, что это случалось в разные времена: в эпоху нео/энеолита (Египет), в начале (Месопотамия) или финале (Греция, микенская культура) бронзового века, в средневековье – от времени переселения народов вплоть до эпохи викингов и т.д. Полностью первобытные войны, конечно, не исчезли, просто войны за добычу начали занимать важное место, а порой и доминировать в межкультурных отношениях, иногда маскируясь под древние мотивы, как, например, Троянская война.

Историческая этнология на многих примерах показывает, что переход от первобытно-общинного строя к государственным образованиям происходил как процесс непрестанных войн и трансформации выражения основных ветвей власти. В этой связи нас будет интересовать прежде всего власть военная. Она возникла вначале как власть лидера, профессионально руководящего военными действиями [Кореневский, 2011б]. В этнологии такого лидера часто называют военным вождем. Специфика войны требовала от ведущих ее руководителей особых знаний, подготовки, умения, оснащения, т.е. того комплекса навыков, который бы отражал специализацию на военном поприще. Для того чтобы судить о нем по данным археологии, рассмотрим сначала такое явление по источникам этнологии.

Профессионализм военный и его отражение в археологии

В эпоху первобытных войн в набегах и межплеменных стычках, по данным этнологии, принимало уча-

стие все мужское население. В целом военная специализация для мужчин была такой же естественной, как в охотничьем промысле, скотоводстве. Регулярное ведение войн требовало развития соответствующих навыков и снаряжения. Так возникло специальное оружие, формы которого возможно установить по археологическим находкам. Владение им также требовало особого умения.

По данным этнологии, война – прежде всего дело молодых людей в расцвете их физической формы. С развитием войн за добычу в них сначала принимал участие тот, кто хотел. Но с превращением войны в доходную область экономики ею начали заниматься люди, имеющие профессиональную подготовку. Римляне прекрасно понимали роль военной подготовки молодежи. Они учили своих воинов нанесению в рукопашной схватке именно колющего удара врагу, который был более эффективен по сравнению с рубящим [Вегеций, 1940, с. 234, 238].

Таким образом, для предгосударственного периода понятие «воин-профессионал» – это человек, который регулярно занимается военными действиями и обладает соответствующим специальным оружием. К ранним формам такого оружия можно отнести известные по археологическим материалам каменные втульчатый топор и булаву, медные и бронзовые топоры, булавы, кинжалы, мечи, наконечники копий. Для подчеркивания престижа владельца появилось элитное оружие. Оно, по данным археологии, обычно украшалось орнаментами, отделывалось золотом.

Дружина

Военная власть в обществе предгосударственного периода – это власть не только одного военного вождя, но и его опоры, дружины как военно-элитной (специализирующейся на войне) прослойки общества. Существовало несколько вариантов ее формирования. Первый связан с традицией мужских союзов, а затем мужских военных домов. У ирокезов такой дом назывался в переводе «все друзья», точно так же как и у славян – дружина.

Второй вариант отражает создание военной дружины бигменом (особо значимым в обществе с престижной экономикой человеком) из зависимых от него людей, рабов, чужаков. Последние во многом были обязаны своему лидеру, поскольку положение дружинника резко повышало их общественный статус. Именно дружина из чужаков выполняла функции опоры военного лидера среди родственного ему населения, т.к. была лично ему обязана и являлась чужеродным элементом в обществе. Очень близко к этому использование дружинников-варягов в Древнерусском государстве [История…, 1988].

Третий вариант – наемничество. Обычное представление о воине-профессионале древней эпохи – это человек, который воюет за плату. До появления денег платой за участие в войне была военная добыча [Созина, 1969].

Четвертый вариант связан с зарождением военной аристократии и иерархии. Он вытекал из структуры воинской организации общества. Ее отражает организация военного дела «по полкам», в которых службу проходили мужчины от 20 до 40 лет, у зулусов вождества Шаки [Риттер, 1968]. У матабеле (юго-восток Африки, народность нгуни) все сословие воинов подразделялось на четыре разряда. Низшим были призывники, молодежь, вторым – неженатые молодые воины, не имеющие воинских заслуг, третьим – женатые воины, ветераны, гвардия, четвертым, высшим, – командующие подразделениями войск, управляющие отдельными территориями, помощники вождя [Потехин, 1951].

Пятый вариант развития военного сословия связан с кастовой системой. Ее иллюстрирует история ариев Индии. В их обществе были касты брахманов (жрецы), кшатриев (воины), вайшья (простолюдины), шудр (слуги, наемные рабочие). Суть кастовой системы ариев времен Ригведы заключалась в том, что она закрепляла высшую военную и экономическую власть в воинской страте общества, облачив ее в религиозную форму, как естественное следствие в объяснении создания мира и человеческого общества. Высшие военные лидеры ариев выбирались только из касты кшатриев. Лишь кшатрии имели законное право на глубокое знание военного дела [Елизаренкова, 1989].

У древних народов Европейского континента эпос не сохранил отражения кастовых структур. Дружинником мог стать выходец из очень широких слоев общества. Согласно древнерусским былинам, Илья Муромец – крестьянский сын, Алеша Попович – представитель духовного сословия, только Добрыня Никитич был боярином – знатным дружинником.

Военный профессионализм и экономика

В формировании военного профессионализма, видимо, можно наметить две стадии, отражающие уровень военизации и экономическое развитие общества. Первая связана с всеобщим вооружением населения относительно дешевым и доступным всем оружием. Воины, посвятившие себя своей профессии или вставшие надолго на тропу войны, не имели специального дорогого защитного вооружения, дающего принципиальное преимущество над обычным народом. Эта стадия приходится на догосударственный период в истории военизации. Конечно, за-

щитные доспехи в то время существовали. Прежде всего, это был щит. Костяной доспех этнографически прекрасно документирован у чукчей [Нефедкин, 2003]. Доспехи из кожи были у ирокезов [Разин, 1955]. Защитное вооружение знали папуасы. Оно включало панцирь, сплетенный из темного ротанга, и небольшой деревянный щит круглой формы [Миклухо-Маклай, 2011, с. 127, 173]. Однако часто воинов-папуасов изображают без доспехов.

Вторая стадия характеризуется распространением эффективного специального вооружения для боя на средней и ближней дистанциях и появлением металлического защитного доспеха, прежде всего шлема. Его использование отражает элитное воинское снаряжение. Эта стадия связана с ранней государственностью (середина III тыс. до н.э.) [Yadin, 1963]. Судя по материалам Урского некрополя и изображениям на штандарте из Ура, воины шумерских городов-государств носили медные шлемы и нашивали металлические пластинки на плащи. Плащ, намотанный на руку, мог выполнять роль щита [Woolley, 1934].

Специальное защитное оружие военных лидеров становится очень ценным. Так, доспех Диомеда – героя ахейцев – стоил семь быков. На доспех Аякса ушло восемь бычьих шкур. Видимо, это было не так уж и дорого. Доспех Главка из бронзы, отделанный золотом (упомянут, как золотой), стоил 100 быков (Гомер. Илиада, VI, 235). Изготовление специального оружия требовало высокого уменья, владения очень сложными технологиями. Оружие из меди и бронзы уже в догосударственный период стало предметом широких дарообменных операций и сакральных кладов, самые ранние из которых происходят с территории распространения культур дунайского энеолита [Vulpe, 1975]. Клады с оружием фиксируются на Кавказе с начала эпохи мышьяковых бронз (Приереванский клад). Клады с бронзовыми топорами характерны для бронзового века Европы и Кавказа (Баньябюк в Румынии, Привольненский, Костромской в Предкавказье и т.д.). В Бородинском кладе представлено оружие как воинов Сибири и Приуралья, так и кавказцев. Клад Стубло на Волыни включает оружие местных племен и привезенный за сотни километров боевой топор горцев Центрального Кавказа.

Тактика военных действий

По данным этнологии, в первобытных войнах широко были распространены военные действия в виде набега, засады, обстрела из лука, поединков на расстоянии, путем метания копий и дротиков. Руководство ими сводилось к минимуму. Вожди деревень при ритуальных войнах могли планировать военные действия, но не более. Бигмены держались в тылу, т.к. их убийство могло привести к панике и общему поражению [Шнирельман, 1994, с. 158, 159].

На Ближнем Востоке, Кавказе, в Европе на полях сражений до III тыс. до н.э. господствовал пеший строй. Профессиональные воины отдавали предпочтение ближнему бою, т.е. рукопашной схватке. Именно она приносила наиболее быструю решающую победу обученным солдатам, умеющим колоть. Оружием для нанесения колющего удара в эпоху меди и бронзы стали бронзовые кинжал, меч и копье с бронзовым наконечником.

Появление тяжелой пехоты, вооруженной копьями с мощными наконечниками из бронзы, фиксируется по археологическим находкам, а также по произведениям искусства (стелам, штандарту из Ура) в различных местах в разное время. Так, самые ранние такие наконечники отмечены в Восточной Анатолии на городище Арслантепе в слое VIA, который относится к периоду существования поселения Джемдет-Наср близ Вавилона – концу IV тыс. до н.э. Были они и у племен майкопско-новосвободненской общности того же времени [Кореневский, 2011а]. Изображения воинов, построенных в ряд, встречены на Урском штандарте и Стеле коршунов III тыс. до н.э. из Южной Месопотамии [Дьяконов, 1983, с. 193, рис. 59, 60]. Построение пехоты «плечо к плечу» – явление конвергентное. Оно было известно не только на Ближнем Востоке. Такое построение предполагается у племен лесной зоны Евразии, носителей сейминско-турбинского феномена, ок. XVI в. до н.э. [Молодин, Худяков, 1998].

Военные вожди

Власть военная воплощалась военными вождями. Как особые лидеры общества, они появились в эпоху ранней первобытной общины, и прежде всего там, где военная обстановка была наиболее напряженной [Семенов, 1993б]. Военная власть была относительно молодой ветвью в первобытном обществе. Поначалу она мало что значила, т.к. община более ценила щедрых дарителей, чем славных воинов, хотя и уважала последних. С возрастанием роли богатства высший престиж и лидерство в обществе перестали совмещаться с воинской славой. Отвага в бою у папуасов ничего не значила в соперничестве за лидирующее положение в общине, если воин был беден, не мог устроить церемониальное пиршество и быть щедрым дарителем [Там же, с. 400].

Погоня за престижем, почетным именем была далеко не праздной в эпоху постоянных межплеменных войн, накопления богатств, социальной дифференциации в эпоху престижной экономики. Они давали привилегии в доступе к общественному достоянию, прежде всего к земле, право на использование наибо-

лее удобных угодий, пастбищ в лично-семейных целях. Претензия индейца на тот или иной ранг, статус означала притязание на право владеть определенными кормовыми участками [Аверкиева, 1974].

У степных кочевников команчей военным вождем мог стать только тот, кто преуспел на воинском поприще, но выбор преемника всегда ограничивался родом предводителя племени. Для избрания воину необходимо было продемонстрировать великую щедрость, которая стоила немалых богатств. Получить их можно было, обладая большими табунами лошадей, доходами от военных набегов. Поэтому вожди, например, у кайова являлись не только военачальниками, но и самыми богатыми людьми. У команчей авторитет военного вождя зависел от военного таланта, щедрости и справедливости в дележе добычи [Там же; Морган, 1934].

В конфедерации ацтеков существовало разделение на гражданскую и военную власть, но к приходу европейцев высшим вождем был признан Монтесума. Он получил титул верховного военного вождя и звание спикера-оратора на совете конфедерации, как пишет Л.Г. Морган. Спикер открывал дебаты, первым имел слово и возможность убеждать совет, мог действовать на окружающих. Звание дворянина (термин Л.Г. Моргана) у ацтеков подразумевало благородность происхождения, т.е. принадлежность роду знатных воинов или вождей; храбрость, проявленную в нескольких сражениях; достижение определенного возраста и обладание огромным богатством для покрытия расходов, которые должен был нести человек, удостоившийся такого высокого звания [Морган, 1934, с. 121].

Военные вожди и военные лидеры, как правило, фигурируют во многих типах вождеств и ранних государств. С образом военного вождя связаны не только особое военное мастерство, но и выдающаяся отвага, смелость, способность идти на риск и не бояться погибнуть в бою. Постепенно складывается кодекс чести его ближайшего окружения. Бросить военного вождя в бою – означает позор для его воинов, потерю чести. Наряд военного вождя приобретает особые признаки, по которым его распознают в бою (как правило, это головной убор).

Для достижения престижа был только один путь – превратить войну в средство получения ценностей, которые составляют богатство. Это была совершенно новая и необычная область накопления престижных богатств, связанная с нетрадиционной средой распределения и распоряжения. Мирная власть тут была совсем не при чем. Война породила новую страту распорядителей, престиж которых не зависел от старой родовой знати.

В погоне за военной добычей и воинским престижем были заинтересованы все слои мужского населения, особенно молодежь, поскольку успех в войне, военный приз мог решить для них главный вопрос – проблему брачного выкупа. В этой обстановке роль военного предводителя, организатора похода приобретает важное качество – он становится распорядителем трофеев. От него все ждут раздела по справедливости. Доля воина зависела от его вклада в боевую операцию, подвига на поле брани. Поэтому так тщательно индейцы разрабатывали табель о воинских подвигах. Храбрость в бою теперь имела экономическую основу. Участник Троянской войны старец Нелей вспоминает былую молодость и удачный набег, принесший большую добычу. При ее разделе он «много избрал для себя», остальное отдал народу в равный раздел – «да бы никто от него обиды не отыщет» (Гомер. Илиада, XI, 700). Но не везде было так. Например, у племен галла и амхара каждый участник набега получал часть добычи, но львиная ее доля шла вождю [Дейви, 2009, с. 112–114].

Несправедливый раздел трофеев мог вызвать внутренний конфликт в войске. Однако общество воинов признавало право военного лидера на его особую, большую часть. Вождь тоже должен был осознавать, что нанесенная обида воинам в разделе может вызвать серьезные осложнения. Агамемнон обидел Ахиллеса, отняв добытый им приз – женщину. В ответ Ахиллес перестал принимать участие в битвах, и ахейцы стали нести большие потери (Гомер. Илиада, I, 125–250; IX, 335).

Одной из черт эпохи распространения и развития власти военных вождей являются устраиваемые ими для своих соратников легендарные пиры [Семенов, 1993б, с. 570]. Мифы скандинавов упоминают о знаменитом пиршестве Одина в Вальхалле, на который стремился попасть каждый воин-викинг. О пирах дружинников с князем повествуют саги и древнерусские былины. Высокий престиж пира еще в глубокой древности отражают погребальные обряды майкопско-новосвободненской общности Предкавказья (IV тыс. до н.э.). В ее комплексах с оружием самыми престижными вещами были бронзовые котлы размером более современного ведра, изготовленные с высоким, далеко еще не понятым, искусством без единого шва, а также посуда из золота и серебра [Кореневский, 2011а].

Власть военная – путь наверх

Противостояние власти гражданской и военной колебало чашу весов в пользу верховенства той или другой в зависимости от конкретной ситуации. Для того чтобы военная власть очутилась во главе общества и у рычагов общинного распределения, нужна была моральная поддержка народа и войска. В этом отношении показателен пример ирокезов. У них высшая власть в племени была представлена двумя типами

вождей: старейшинами для мирного времени, сахемами, и военными предводителями. Сахемы ведали всеми бытовыми вопросами общества и контролировали распределение, культ, решение политических проблем, хранили мифологическую информацию. Важные для общины, рода, племени, племенной конфедерации решения принимались на советах, куда входили сахемы всех родов или племен. Высшего вождя у ирокезов не было. Простой общинник мог быть выслушан на совете, но только через оратора. Род выбирал сахема из своего состава, и эта должность передавалась по наследству в роде. Нового сахема выбирали после смерти старого. Большую роль в этом процессе играли женщины, именно они подбирали достойного кандидата. Совет вождей только соглашался или отклонял кандидатуру. Женщины не имели права выступать в совете. Они могли представлять свои соображения через оратора.

Власть сахемов практически устраняла женщин от принятия важных решений, влияющих на жизнь ирокезского общества. Но многое изменилось, когда в вопросы политики вмешалась военная власть. Военные вожди мужского союза «Сосна» (практически союза воинов-профессионалов) взяли на себя обязательство представлять интересы простого народа и женщин в советах вождей. Тем самым власть военная, став противовесом власти сахемов, заручилась поддержкой самых широких кругов населения, поскольку воинство в основном состояло из не очень богатых ирокезов. Такая ситуация отмечается у степных племен кроу, которые переставали ходить в военные набеги, предпочитая заниматься разведением скота в своих огромных табунах.

Военная власть была ближе всего к интересам широкого круга мужского населения, чье благосостояние во многом зависело от успехов на поле брани и во внутренней жизни общества. В итоге у многих племен ирокезов в договорах с европейцами фигурируют главным образом военные вожди, сахемы даже не упоминаются. Чем бы закончился этот процесс, сказать трудно. Лига ирокезов перестала существовать под прессом евро-американской цивилизации [Аверкиева, 1974, с. 239–240].

Власть военная, получив возможность лидерства в обществе, еще в догосударственный период увеличивала свое экономическое могущество за счет дани, налогов, контроля над торговлей. Ее главенство усиливалось с развитием войн за добычу. Оно не вызывало антагонизма по многим причинам. Военная власть поддерживала порядок в обществе, осуществляла оборону и приносящую доход агрессию. Так, в Африке на оз. Ньяса обитало племя магараджей. Его люди жили в нескольких деревнях, в каждой был свой вождь. Мелкие вожди подчинялись главному, которого называли рондо. Все платили ему дань, или налог, состоявший из одного бивня слона в год. За это рондо должен был защищать свой народ и помогать ему [Ливингстон Д., Ливингстон Ч., 1948, с. 87].

Ю.И. Семенов, анализируя экономические процессы в догосудрственных обществах, пришел к выводу, что власть в них развивалась по двум направлениям: бигменскому и чифменскому [Семенов, 1993а, с. 59]. В первом случае лидером в обществе мог стать неродовитый, но состоятельный человек, во втором – только вождь по крови. Как экономическая власть сочеталась с военной? Этнологи на примере истории общества папуасов отмечают, что бигмен редко становился «великим воином», т.е. военным лидером [История…, 1988, с. 236]. Видимо, при чифменском варианте путь к высшей экономической и военной власти был более прямой, особенно если последняя сочеталась с собственностью вождя на землю, а также на все ресурсы и жизни сородичей.

Следы развития власти военной в эпоху палеометалла по данным археологических источников Передней Азии, Европы, Кавказа

Медный и бронзовый века практически не оставили следов в этнографии Европы и Переднего Востока. Отдельные сведения можно получить из истории доколумбовой Америки. Но все же о формах специального оружия рубящего или колющего действия на этом континенте судить непросто. Медное оружие было у атапасков, находившихся на уровне довольно примитивного энеолита. У племен Мезоамерики и инков Перу, судя по изображениям хронистов, имелись искусно выточенные из камня топоры-булавы, палицы с вкладышами из обсидиана, копья, мечи из дерева (?), лук и стрелы [Вега, 1974].

Реконструкция процесса военизации догосударственных обществ Передней Азии, Кавказа, Европы и других территорий до времени появления письменности – задача археологии. Ее решать очень сложно, т.к. археологические источники могут лишь косвенно отражать общественные отношения. Вместе с тем, исходя из общих свойств материального производства, как аксиому можно принять тезис, что возникновение тех или иных форм оружия всегда отражает конкретный социальный заказ эпохи. Как показывает практика, по археологическим данным можно уловить появление, например, специального оружия даже по случайным находкам и датировать их, используя метод аналогий. Однако это вовсе не означает, что оно тут же начинало проникать в погребальные обряды, получало широкое распространение.

Область погребальной практики древних людей – это прежде всего сфера религиозных представлений.

Отношение к оружию было различным. По одним верованиям его клали в могилу и даже могли полагать, что предки будут охранять живых с оружием в руках. Возможно, имелись иные мотивы. Оружие могло также обеспечить статус умершего и его привилегированное место в загробном мире. По другим представлениям оружие было «нечистым», оно несло смерть и ему не место в заупокойных ритуалах. Например, масаи считали, что оружие – это символ смерти, а боги не любят кровопролития, хотя сами были воинственным народом. Племена вачагга окрестностей г. Килиманджаро полагали, что сила, заключенная в металле, металлическом оружии, вообще враждебна миру [Cline, 1937, с. 115–119].

Таким образом, положенное в захоронение оружие – это область особого символизма. Она может отражать уровень военизации общества или оставаться равнодушной к нему. В археологической практике давно отмечено, что оружие нередко встречается в погребениях в сочетаниях вещей. Для того чтобы ответить на вопрос, что это за сочетания, комплексы с оружием надо анализировать с помощью методов археологической типологии и комбинаторики.

Воинское снаряжение могло занять особое место в погребальной практике в тот момент, когда область религиозных представлений начала впитывать и отражать значимость воинской прослойки в обществе. Помещение оружия в могилу было важно для живых сородичей как закрепление особого статуса воинской прослойки в идеологии или по религиозным соображениям, связанным с представлением о загробном мире как о тождественном реальному со всеми его особенностями.

Особый престиж погребенного еще в эпоху энеолита Подунавья подчеркивался золотом в виде украшений и накладок – декора ударных орудий. У народов «почти государственного состояния» золото также служило средством подчеркивания особого слоя военных людей. Так, у муисков Мезоамерики только военная аристократия могла носить золотые украшения, а загробный мир представлялся копией земного. По их верованиям, души умерших опускались к центру земли, где каждая имеет предназначенное ей место, согласно тому, что они имели на земле [Созина, 1969, с. 165].

Символизм воинского снаряжения особенно ярко проступает на поздних стадиях предгосударственного общества и в ранних государствах. Могилы военной знати в это время уже не обходятся без оружия, воинское место в загробном мире становится самым почетным. У германских племен, викингов павшие на поле брани славные воины обретают вечное наслаждение на пиру в Вальхалле. Для этого викинг должен умереть с мечом в руке или быть похоронен с оружием [Мелетинский, Гуревич, 1987; Вальхалла, 1987].

Упомянутую выше проблему о двух путях развития высшей власти в обществе – бигменском и чифменском [Семенов, 1993а, с. 59] – по данным археологии решать очень сложно, т.к. археолог не может определить, кто же был погребен с богатым инвентарем, оружием – бигмен или чифмен. При установлении социальной значимости погребенного ему приходится опираться лишь на набор вещей в комплексах, типологию инвентаря, подбирать наиболее корректные термины в интерпретации. Анализ комбинаторики артефактов из таких комплексов очень важен. На его основании можно отметить несколько устойчивых наборов (моделей) для времени конца VI–III тыс. до н.э. Эти модели характеризуют два многовековых этапа развития экономики догосударственного периода, суть которых возможно выразить через понятия исторической этнологии [Семенов, 1993б]. Один, более ранний, получил название «преполитарного». Помимо особых экономических отношений, он характеризуется большим значением для лидеров престижа труда. Другой был назван Ю.И. Семеновым «протополитарным». В это время для престижа лидера в военной сфере его занятия трудовой деятельностью особой роли не играли. Следующий период, «политарный», соотносится уже с понятиями цивилизации или государства с соответствующим уровнем организации власти, развития экономики и информатики [Там же].

Модель военная представлена погребальными комплексами только с оружием, например, топором, булавой. Ранее всего она фиксируется в Подунавье. Здесь могилы с каменными топорами связаны с лендельской культурой (например, могильник в Зенговаркони) [Dombay, 1960]. Погребения с оружием ударного действия появляются очень рано и на юге Восточной Европы. Они, например, известны на Мариупольском (рис. 1, *1*) и Хвалынском могильниках (суммарно конец VI – первая половина V тыс. до н.э.). В Предкавказье эта модель существовала долго, по крайней мере, она четко фиксируется в средний период бронзового века и в докобанское время.

Модель военно-производственная представлена погребальными комплексами с оружием (втульчатый топор из камня или бронзы, клевец) и инструментами деревообработки. Ранние примеры такой модели уводят к культуре хаманджия в Дунайском бассейне (Дуранкулак, погр. 1036) (рис. 1, *2*), примерно вторая четверть V тыс. до н.э. [Todorova et al., 2002, S. 42, Taf. 171]. Набор из медного топора и тесла известен в комплексе Фэлчиу [Govedariča, 2004, Tab. 8] (рис. 1, *3*).

Энеолитические подкурганные погребения предкавказской и волго-донской степной зоны в основном содержат каменные тесла, но без сочетания их с каменными топорами [Кореневский, 2012]. Погребаль-

ные комплексы, включающие подобные наборы из оружия и инструментов, известны в разных культурах. Они получили широкое распространение с началом бронзового века (т.е. с распространением медно-мышьяковых сплавов), прежде всего у племен майкопско-новосвободненской общности Предкаказья в IV тыс. до н.э. Военно-производственная модель на Кавказе продолжала существовать далее у носителей алазано-беденской культуры в Грузии и у близких ей по такой символике племен Азербайджана первой половины III тыс. до н.э. [Мусеибли, Ахундова, Агаларзаде, 2011]. Она также представлена в погребениях начала среднего периода бронзового века в центральной части Северного Кавказа (комплекс кургана в Андреевской долине на окраине г. Грозного и его аналоги) [Марковин, 1994, с. 273, табл. 82, *10, 12*].

Если военная модель подчеркивала воинский престиж умершего, то военно-производственная может указывать на особо высокое социальное положение погребенного, при жизни игравшего весьма значимую роль не только в военном деле, но и в экономике. Среди последних могли быть бигмены или вожди по крови. Но более конкретизировать такое деление по данным археологии затруднительно.

В комплексах обеих моделей может встречаться золото. Иногда оно присутствует в виде одной-двух височных подвесок, в других случаях в большем количестве (различные украшения, накладки на предметы). Для оценки развития иерархии в социальной сфере догосударственных обществ значение золота и серебра особо важно. С одной стороны, это были, судя по мифологии многих народов, металлы высших божеств – Солнца и Луны. С другой стороны, их использование в экономике как всеобщих эквивалентов обмена привело в Месопотамии к становлению государственности. Для начальных стадий знакомства древних земледельцев и скотоводов с золотом захоронения с ним можно рассматривать как отражение особого элитарного ранжирования: чем больше золотых предметов, тем выше статус погребенного [Кореневский, 2004].

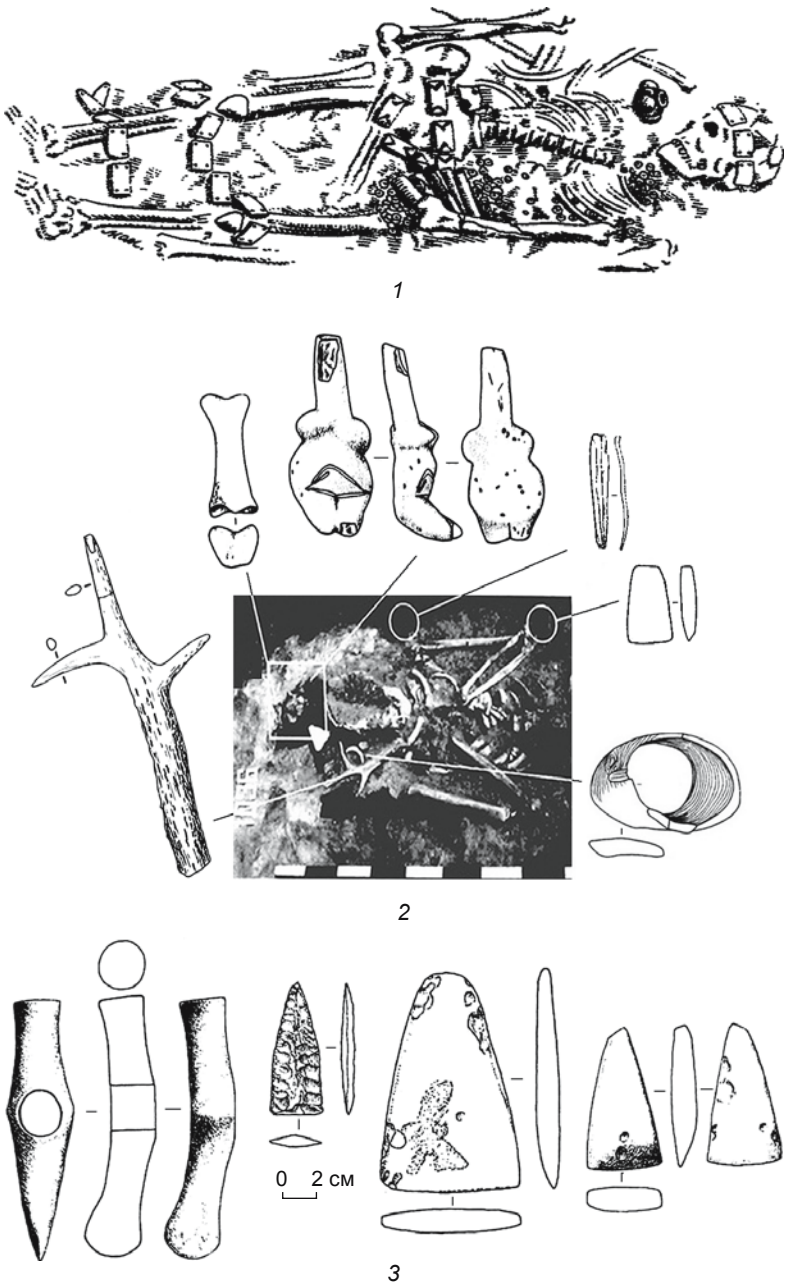

Рис. 1. Эгалитарные модели погребальных комплексов преполитарного периода юга Восточной Европы и Подунавья.
1 – погр. 8 Мариупольского могильника, конец VI тыс. до н.э. (по: [Макаренко, 1933]), – военная модель; *2* – погр. 1036 могильника Дуранкулак (культура хаманджия), вторая четверть V тыс. до н.э. (по: [Todorova et al., 2002]), – военно-производственная модель; *3* – разрушенное погребение в Фэлчиу (по: [Govedariča, 2004]) – военно-производственная модель.

Золотом более насыщены комплексы с военно-производственным набором вещей. Люди, погребенные с золотыми предметами, могут рассматриваться не только как военные лидеры, но и как носители особой сакральной власти.

Среди наиболее ранних комплексов элитарной военной модели особо интересно погр. 4 могильни-

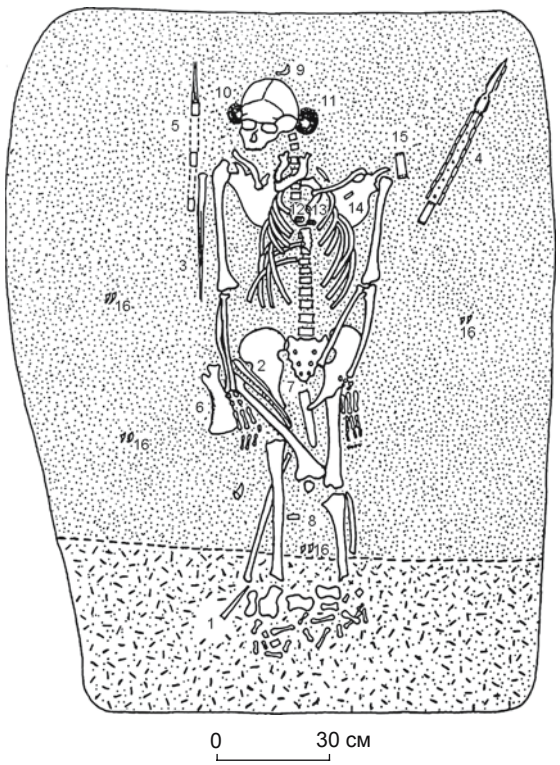

Рис. 2. Погребение военного и культового лидера с оружием и двумя золотыми спиралями (вторая половина V тыс. до н.э.) на могильнике Джурджулешти в Молдове (по: [Govedariča, 2004]) – элитарная военная модель преполитарного периода.

ка Джурджулешти (рис. 2), в котором встречено первобытное оружие (медный стилет, а также то ли меч, то ли рогатина) и две золотые спиральки – подвески головного убора [Govedariča, 2004, S. 97, Abb. 30]. Более сложная элитарная военно-производственная модель представлена широко известными комплексами, такими как погр. 43 Варненского могильника (рис. 3) [Ivanov, 1988]. Самые насыщенные золотом захоронения с оружием майкопско-новосвободненской общности содержали посуду из бронзы и в редких случаях из золота и серебра. В качестве примера можно указать Майкопский курган (рис. 4), погр. 5 кург. 31 с мечом в урочище «Клады» у ст. Новосвободной (рис. 5, *3*), Нальчикскую (рис. 5, *2*) и Кишпекскую (рис. 5, *1*) гробницы с большими бронзовыми котлами [Кореневский, 2004], погр.18 кург. 1 могильника Марьинский-3 с набором оружия и инструментов (рис. 5, *4*) [Канторович, Маслов, 2009; Кореневский, 2004].

Под влиянием майкопско-новосвободненской общности элитарная военно-производственная модель проникла к носителям ямной культуры Дона и Волго-Приуралья. Примером может служить погр. 4 кург. 31 Павловского могильника в Воронежской обл. (рис. 6, *А*) [Синюк, 1996, с. 58, рис. 51, *6*], погр. 1 кург. 1 Утевского могильника (рис. 6, *Б*) [Васильев, 1980]. В Приуралье сохраняется также и эгалитарный вариант, например набор военного снаряжения и инструментов деревообработки из погр. 4 кург. 8 могильника Тамар-Уткуль (рис. 7) [Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова и др., 2011, с. 63, рис. 10, *8–13*].

На Ближнем Востоке элитарная военно-производственная модель фиксируется на рубеже IV–III тыс. до н.э. на городище Арслантепе (слой VIBI) в богатой гробнице Т1 с бронзовым оружием и плотническими инструментами, украшениями из золота и серебра [Frangipane et el., 2001], а также в погребениях курганов III и IV могильника Си-Гирдан у оз. Урмия (бронзовые топоры, кинжал, тесла, украшения из золота) [Muscarella, 1969, 1971].

Рис. 3. Погребение 43 Варненского могильника, середина V тыс. до н.э. (музей г. Варны), – элитарная военно-производственная модель преполитарного периода.
1 – музейная реконструкция; *2* – ситуация при расчистке погребения.

Рис. 4. Вещевой комплекс Майкопского кургана (майкопско-новосвободненская общность, примерно середина IV тыс. до н.э.) – элитарная военно-производственная модель преполитарного периода.
А – бронзовые (*1–7*) и каменное (*8*) орудия; *Б* – посуда из серебра (электр?) (*1, 3*), бронзы (*2, 4*) и золота (*5*); *В* – украшения (золото, серебро; *11* – варианты реконструкции фигурок быков).

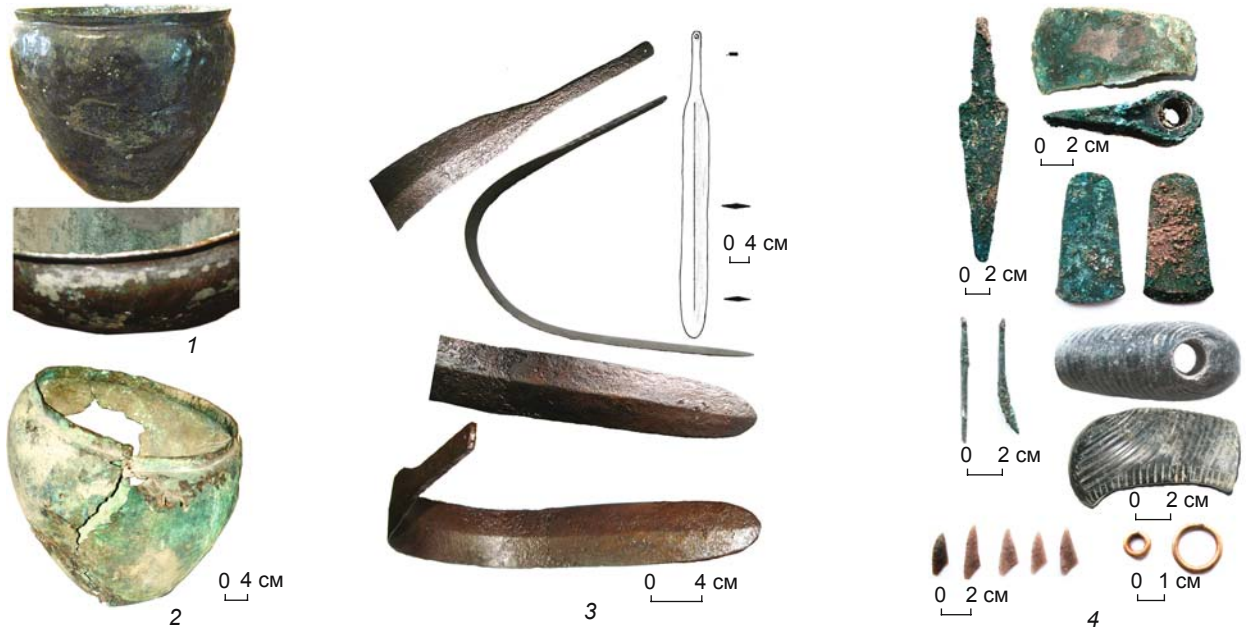

Рис. 5. Бронзовые котлы (*1, 2*) и меч (*3*), орудия и украшения (*4*) из комплексов элитарной военно-производственной модели преполитарного периода.

1 – Кишпекская гробница; *2* – Нальчикская гробница (долинский вариант майкопско-новосвободненской общности (далее – МНО)), вторая половина IV тыс. до н.э.; *3* – погр. 5 кург. 31 могильника Клады (новосвободненская группа МНО, середина – вторая половина IV тыс. до н.э.); *4* – погр. 18 кург. 1 могильника Марьинский-3 (долинский вариант МНО, ок. 3350 г. до н.э.).

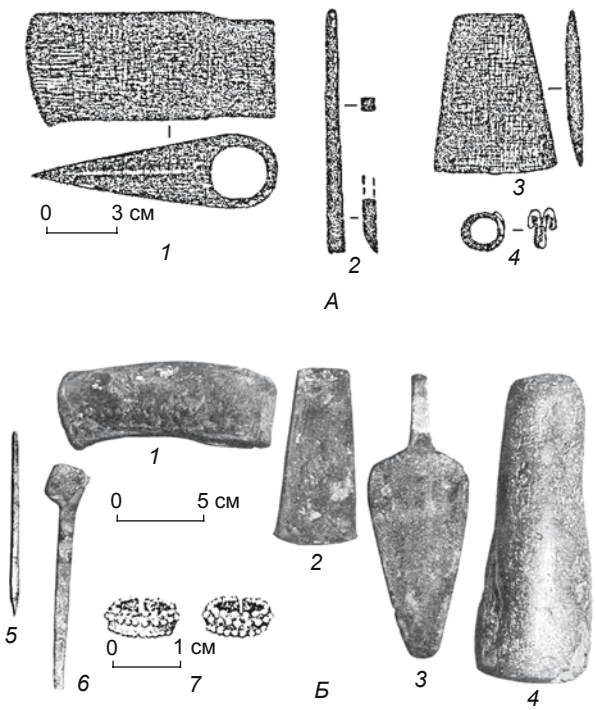

Рис. 6. Комплексы элитарной военно-производственной модели преполитарного периода с памятников ямной культуры.

А – погр. 4 кург. 31 Павловского могильника, вторая половина IV тыс. до н.э. (по: [Синюк, 1996]): *1–3* – медь, *4* – серебро; *Б* – погр. 1 кург. 1 Утевского могильника, конец IV – начало III тыс. до н.э. (по: [Васильев, 1980]): *1–3, 5, 6* – медь, *4* – камень, *7* – золото.

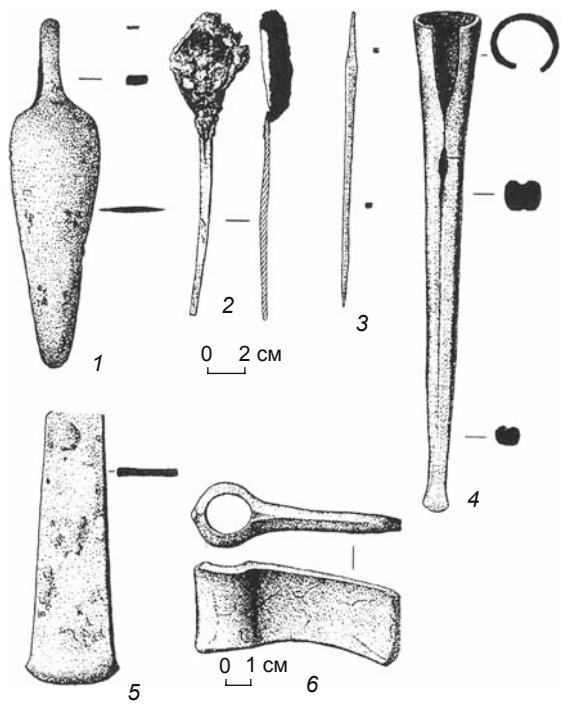

Рис. 7. Медные изделия из погр. 4 кург. 8 могильника Тамар-Уткуль VII ямной культуры Приуралья, начало III тыс. до н.э. (по: [Моргунова и др., 2011]), – эгалитарная военно-производственная модель преполитарного периода.

Нередко все отмеченные выше модели и их вариации могут сосуществовать в рамках одной культуры, как, например, в варненской или у племен майкопско-новосвободненской общности.

Заключение

Таким образом, главный вывод из приведенных моделей заключается в том, что, по данным археологии энеолита и начала бронзового века Кавказа, Подунавья, Ближнего Востока, власть военная, нередко в сочетании с высокой сакральной, в V–IV тыс. до н.э. практиковала в погребальных обрядах символику оружия и орудий труда совместно с ранжированием золотом престижа умерших. Впоследствии символы труда из погребений военной знати исчезают, как реакция на изменение положения в обществе власти военной и основ социального расслоения, когда воинское сословие становится наиболее значимым и влиятельным. О таких переменах повествуют замечательные произведения искусства, на которых величие военных лидеров иллюстрируется более крупным их изображением, сидячей позой, троном, лирой, дорогим оружием. В их число входят серебряный кубок из Карашамба (Армения, конец III тыс. до н.э., триалетская культура) [Оганесян, 1988] (рис. 8), печати с изображениями военного и культового лидера урукского периода из Южной Месопотамии и Сузианы по имени Эн (рис. 9) [Schmandt-Besserat, 1993], а также упомянутый выше знаменитый штандарт из Ура (рис. 10) [Woolley, 1934]. Символика труда для высшего лидера сохраняется в раннегосударственный период Месопотамии. Но она существует

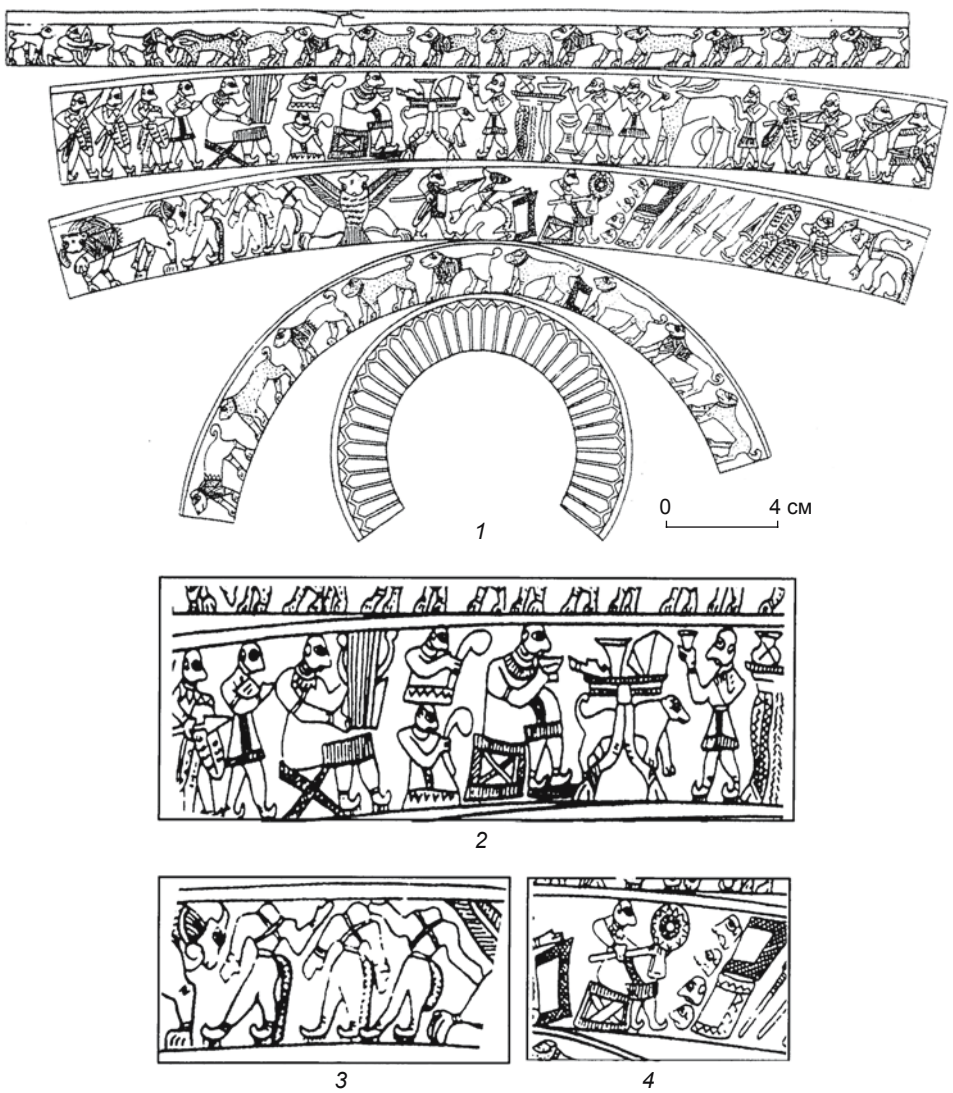

Рис. 8. Сцены на кубке из Карашаба, триалетская культура, конец III тыс. до н.э. (по: [Оганесян, 1988]). Протополитарный период.

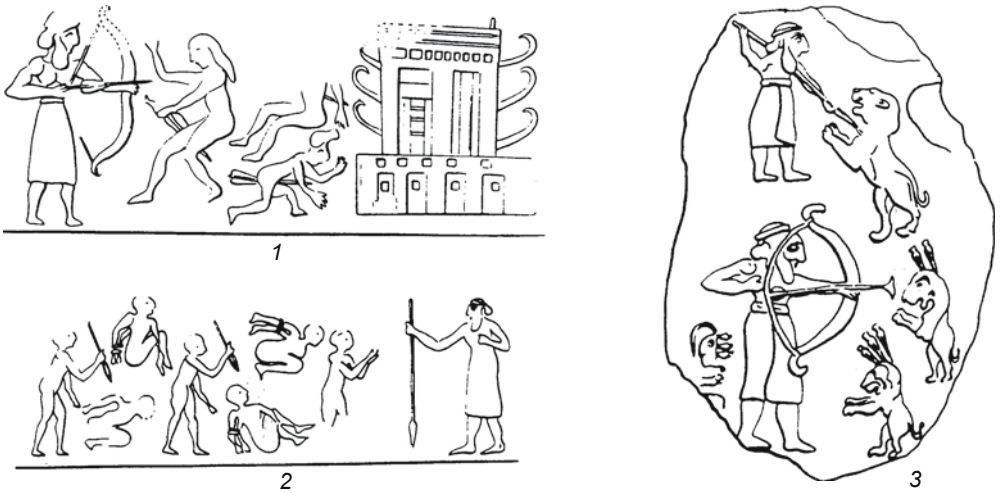

Рис. 9. Оттиски печатей с изображениями военного и культового лидера Эн урукского периода Южной Месопотамии (по: [Schmandt-Besserat, 1993]).
1, 2 – Эн – воин-вождь; *3* – Эн – великий охотник.

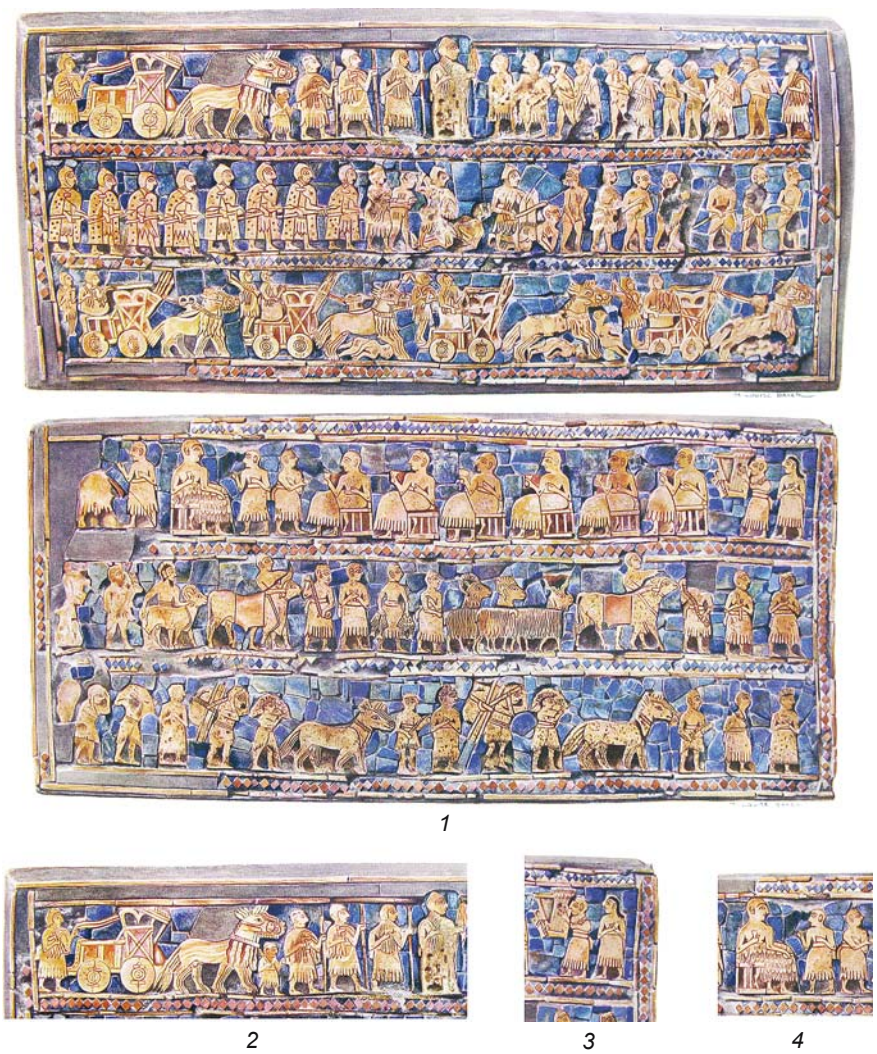

Рис. 10. Урский штандарт: изображения военного лидера, войска и побежденного врага. Раннединастический период (по: [Woolley, 1934]).

в основном как показатель сакрального строительства [Авилова, 2011, с. 168–178].

Укрепление власти военной в обществе и ее стремление к господству и легитимности нашли отражение в многочисленных мифах о героях и их военных подвигах, сражениях вокруг Древа Жизни и его плодов. В пантеоне мифических высших богов появились военные боги, в т.ч. громовержцы как признанные лидеры и высшие властители [Афанасьева, 2007; Дьяконов, 1997; Редер, 1965].

Заканчивая наш краткий очерк о ранних этапах развития феномена власти военной, хотелось бы подчеркнуть, что археологические материалы, так же как и письменные свидетельства о народах догосударственной эпохи, могут отражать разные модели военизации. Они помогают охарактеризовать историческую трансформацию обществ под влиянием не только технического прогресса, но и военного фактора, сделать общую картину развития исторических процессов более наглядной и конкретной.

Список литературы

Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974. – 348 с.

Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 227 с.

Афанасьева В.К. Орел и Змея в изобразительности и литературе Двуречья. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 462 с.

Вальхалла // Мифы народов мира: энцикл. / отв. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 212.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1980. – С. 32–58.

Вега Г., де ла (Инка). История государства инков / пер. со ст.-исп. В.А. Кузьмищева; отв. ред. Ю.В. Кнорозов. – М.: Наука 1974. – 752 с. – (Литературные памятники).

Вегеций. Краткое изложение военного дела // ВДИ. – 1940. – № 1. – С. 231–293.

Гомер. Илиада // Илиада и Одиссея. – М.: Изд-во худож. лит., 1997. – С. 1–409. – (Античный мир).

Дейви М. Эволюция войн /пер. с англ. Л.А. Калашниковой; ред. Л.И. Глебовская. – М.: Центрполиграф, 2009. – 384 с. – (Хроники военных сражений).

Дьяконов И.М. История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / ред. И.М. Дьяконова. – М.: Вост. лит., 1983. – 530 с.

Дьяконов И.М. Люди города Ура. – М.: Наука, 1990. – 428 с.

Дьяконов И.М. От начала начал: Антология шумерской поэзии. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1997. – 493 с.

Елизаренкова Т.Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426–543.

Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. История английского языка: учебник. – 4-е изд. – СПб.: Авалонъ; Азбука, 2010. – 560 с. – (Университетская классика).

История первобытного общества: Эпоха классообразования / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – 565 с.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Ставрополь: Наследие, 2009. – Вып. IX. – С. 83–116.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 244 с.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. – М.: Таус, 2011а. – 324 с.

Кореневский С.Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археологии) // КСИА. – 2011б. – Вып. 225. – С. 175–188.

Кореневский С.Н. Рождение кургана. – М.: Таус, 2012. – 246 с.

Ливингстон Д., Ливингстон Ч. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 г. / пер. с англ. П.М. Добровицкой. – М.: Географгиз, 1948. – 343 с.

Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 254–286. – (Археология СССР).

Макаренко М. Мариюпольський могильник. – Київ: Вид-во Всеукр. акад. наук, 1933. – 149 с.

Махлаюк А.В. Римские войны: Под знаком Марса. – М.: Центрполиграф, 2009. – 445 с.

Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира: энцикл. / отв. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 284–292.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия на берег Маклая. – М.: ЭКСМО, 2011. – 512 с.

Молодин В.И., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения населения Западной и Восточной Сибири в развитом бронзовом веке // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Гос. Эрмитаж; ИИМК РАН, 1998. – С. 37–40.

Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под. ред. М.О. Косвена. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 351 с.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2011. – Вып. 9. – С. 53–75.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 153 с.

Мусеибли Н.А., Ахундова Г.К., Агаларзаде А.М. Погребальные памятники эпохи бронзы Акстафинского района // Археологические исследования в Азербайджане. – Баку: Ун-т Хазар, 2011. – С. 97–108.

Нефедкин А.К. Военное дело чукчей: Середина XVII – начало XX в. – СПб.: Филоматис, 2003. – 346 с.

Оганесян В.Э. Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. – 1988. – № 4. – С. 145–160.

Окшотт Э. Археология оружия. – М.: Центрполиграф, 2004. – 398 с.

Потехин И.И. Военная демократия матабеле // Родовое общество: этнографические материалы и исследования / отв. ред. С.П. Толстов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 234–256 – (ТИЭ. Н.с.; т. XIV).

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1284 с.

Разин Е.А. История военного искусства. – М.: Воениздат, 1955. – Т. 1. – 358 с.

Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. – М.: Наука, 1965. – 120 с.

Риттер Э.А. Зулус Чака. – М.: Наука, 1968. – 407 с.

Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этногр. обозрение. – 1993а. – № 1. – С. 52–70.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993б. – 710, XXV с.

Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. – Т. 2. – С. 7–241.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 1996. – 351 с.

Созина С.А. Муиски – еще одна цивилизация древней Америки. – М.: Ин-т Латинской Америки АН СССР, 1969. – 201 с.

Шнирельман В.А. Первобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 236–426.

Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества: Эпоха классообразования / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – С. 5–139.

Шнирельман В.А. У истоков войны и мира. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – 176 с. – (Война и мир в ранней истории человечества; т. 1).

Cline W. Mining and Metallurgie in Negro Africa. – Menasha: Banta, 1937. – 143 p. – (General Series in anthropology; N 5).

Dombay J. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengővárkony: Beiträge zur kultur des Aheolithikums in Ungarn. – Budapest: Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1960. – 235 S.

Frangipane M., Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New Symbols of New Power A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paleorient. – 2001. – Vol. 27, N 2. – P. 105–139.

Govedariča B. Zepterträger – herrscher der Steppen. – Mainz am Rhein: Verlad Philipp von Zabern, 2004. – 426 S.

Ivanov I. Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräbefeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. – Saabrücken: Moderne Galerie des Saarland-Museums, 1988. – S. 183–208.

Muscarella O.M. The Tumuli at Sé Girdan // Metropolitan Museum J. – 1969. – Vol. 2. – P. 5–26.

Muscarella O.M. The tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum J. – 1971. – Vol. 4. – P. 8–18.

Schmandt-Besserat D. Images of Enship // Between rivers and over the mountains. – Roma: La Sapienza, 1993. – P. 201–219.

Todorova H., Dimov T., Bojadziev J., Vajsov I., Avramova M. Katalog der prähistoroschen Gräber von Durankulak // Todorova H. Durankulak. – B.: Deutsches archäologisches Institut, 2002. – Bd. II: Die Prähistorischen Gräberfeld. – T. I. – S. 31–135.

Vulpe A. Die Äxte und Beile in Romänia II // Prähistorische Bronzefunde. – 1975. – Abt. IX, Bd. 5. – S. 1–98.

Woolley L. Ur excavations. – L.: Philadelphia: The British Museum; Museum of the University of Pennsylvania, 1934. – Vol. II: The Royal Cemetery. – 550 p.

Yadin Y. The Art of Warfare in Biblical Lands. – Jerusalem: Intern. Publishing Co. LTD, 1963. – Vol. 1. – 184 p.

Материал поступил в редколлегию 19.11.13 г.,
в окончательном варианте – 02.12.13 г.

A b s t r a c t

The objective of this study is to correlate historical, ethnological, and archaeological sources regarding the symbolism of military power. For that purpose the status of Neolithic and Early Bronze Age burials with weapons in the Danube Basin, Caucasus, and southeastern Europe was analyzed in the context of ethnological theory. These data are discussed with reference to the typology of warfare in pre-state societies, contrasting primitive wars and later "true" wars (those involving fighting for spoils). Ethnological evidence demonstrates the dramatic rise of the status of military chiefs. Eventually, as fighting for spoils becomes more common, the chiefs rapidly rise to the height of power and acquire the right to distribute trophies. This tendency is documented by archaeological evidence, art, and mythology, indicating the developing symbolism of weaponry and military themes and testifying to the rise in the status of persons involved in warfare, specifically military leaders.

Keywords: *ethnology, archaeology, war, spoils, power, weaponry.*